

Экскурс 2 (к главе 13)

ИСЛАМИЗМ КАК ВАРИАНТ МОДЕРНИЗАЦИИ ИСЛАМСКИХ СТРАН

1. Краткие сведения о природе и особенностях исламизма. Дефиниции исламизма

Исламские, особенно арабские, страны имеют многочисленные серьезные особенности, в частности, в модернизации этих государств. Понять эти особенности и их причины, а также современные исламские (особенно арабские) общества без учета влияния исламизма как одновременно идеологии, культурной среды, образа действий и образа жизни невозможно. К сожалению, исламизм во многом оставался исследованным недостаточно глубоко. В настоящем экскурсе мы остановимся на особенностях модернизации в исламских странах в аспекте анализа влияния исламизма, показав при этом, что исламизм – это не нечто поверхностное, а глубинная и всеобъемлющая субстанция исламских обществ. Поэтому крайне важно различать радикальный и умеренный исламизм, опираться на последний для ослабления первого, поскольку именно умеренный исламизм может стать позитивным и перспективным крылом политической системы исламских стран.

Есть множество определений исламизма (Коротаяев, Гринин 2017), но здесь мы приведем только одно, которое представляется достаточно удачным.

Термин «исламизм»... обозначает форму социального и политического активизма, основанную на идее, что общественная и политическая жизнь должна руководствоваться рядом исламских принципов. Иными словами, исламисты – это те, кто считает, что ислам должен играть важную роль в организации общества с мусульманским большинством, и стремится реализовать это убеждение (Poljarevic 2015).

Важно не отделять умеренных исламистов от исламизма (не записывая в исламисты только радикалов). Ведь, несмотря на колоссальные различия в отношении к террору, участию в политической жизни и т. п., исламистов объединяют некие общие идеологические подходы (Гринин, Коротаяев 2018а; 2019в; Grinin, Korotayev 2019b). Но, с другой стороны, не только эти подходы очень размыты, но и исламисты значительно различаются по тому, какой реализации этих подходов они ожидают, относясь к ним как к некоей атрибутике или более серьезно (Kelsay 2007: 166). Многие умеренные исламисты, в том числе среди мусульманской интеллигенции, по сути, разделяют идею, выраженную марокканским социологом Абдаллой Ларуи. Современный исламизм в глазах арабского интеллигента, как он считает, не предполагает возврата в прошлое как таковое, а обращение к традиции – это лишь маска, которую надевает на себя современность в условиях кризиса глобальных идеологий, это универсальная идеология преобразования действительности (цит. по: Левин 2014: 18).

Вот почему неправильно и пытаться считать умеренных исламистов не исламистами, а кем-то другим, и смешивать радикалов и умеренных (см. анализ таких попыток редуцировать понятия исламизма и исламистов только до крайне радикальных течений или вовсе отказаться от термина в книге Бассама Тибби «Исламизм и ислам» [Tibi 2012; см. также: *Idem* 2013]). Более продуктивным представляется признать наличие наряду с радикальным исламизмом исламизма умеренного¹ (подробное обоснование этого подхода

---

¹ Кстати говоря, многие из самих умеренных исламистов предпочитают называть свою версию исламизма не «умеренным исламизмом», а «постисламизмом» (см., например: Bayat 2007; 2013; Hossain 2016; Amin 2017).

см. в следующих работах: Kurzman 1998; Denoëux 2002; Ayoob 2009; Schwedler 2011; March 2015; Achilov 2015; 2016; Achilov, Sen 2017).

В заключение проведенного нами рассмотрения разных подходов к определению исламизма приведем следующие слова Д. Ачилова и С. Сена. Они отмечают, что эмпирические данные ставят под сомнение широко распространенные представления о том, что «отношение мусульман к политическому исламу единообразно. В сущности, взгляды умеренных исламистов на роль ислама в политике связаны с поддержкой политического плюрализма, верой в важность гражданских свобод и необходимость сосуществования как шариатских норм, так и светских законов. Напротив, политически радикальные исламистские взгляды ставят целью полное господство шариата, нетерпимы к демократическому плюрализму и исходят из представления о том, что исламские религиозные деятели могут принимать политические решения лучше, чем кто-то другой. Эмпирические данные также показывают, что поддержка политически умеренного (а не радикального) ислама коррелирует с более высоким уровнем образования и социального капитала... В то же время мы предполагаем необходимость дальнейшего будущего эмпирического изучения возможного скрытого варианта, который может находиться между политически радикальным и политически умеренным исламизмом» (Achilov, Sen 2017: 621).

В целом, если суммировать разные подходы к определению исламизма, пытаться учесть разные течения в исламизме, можно было бы сказать, что **исламизм** – это политическое направление и идеология, широко распространенные в мусульманских, особенно арабских, странах. Исламизм основывается на идеях превосходства (или просто высокой ценности) ислама и его правил и традиций, на необходимости строить жизнь на исполнении (в том или ином объеме) определенным образом понимаемых принципов ислама, на том, чтобы, сообразуясь с современными реалиями, политически объединяться вокруг людей, ставящих те или иные исламские (или рассматриваемые в качестве исламских) идеи и принципы во главу угла в политической жизни (Grinin, Korotayev 2019b; 2019g; Grinin, Korotayev 2020b).

Но при этом надо не забывать, что «политический ислам отнюдь не монолитное явление, а сложное многоаспектное понятие, включающее исламские политические взгляды, которые могут коренным образом отличаться в разных странах» (Achilov, Sen 2017: 609; см. также: Ланда, Саватеев 2015; Ayoob 2009; Denoëux 2002; Schwedler 2011).

Исследование исламизма и его аспектов, в каком бы академическом ключе это ни делалось, всегда актуально из-за значимости самого феномена исламизма. Очевидно, что понять особенности модернизации арабских и исламских обществ, а также современные исламские (особенно арабские) общества без учета влияния исламизма как одновременно идеологии, культурной среды, образа действий и образа жизни невозможно. Между тем по целому ряду причин, разбирать которые нет возможности в этом экскурсе (подробнее см.: Grinin *et al.* 2019: ch. 3), для многих обозревателей Ближнего Востока в XX в. и первой декаде XXI столетия исламизм оставался «явлением, скрывающимся за поверхностью» (Osman 2016: xiii), а потому он оказался недостаточно понятным. Исламизм – феномен многоликий, меняющийся и противоречивый. Это один из самых сложных социальных феноменов настоящего времени (Kerel 2000: 25).

Радикальный и террористический исламизм – печальная и жестокая реальность. И средства массовой информации, и исследователи уделяют ему львиную долю своего внимания, конечно, не просто так, а потому, что он представляет грозную и часто неви-

---

Отметим, что мы сами все-таки склонны рассматривать постисламизм в качестве разновидности умеренного исламизма, а не как нечто, качественно отличное от умеренного исламизма. Здесь примечательно, что и такой видный представитель постисламизма, как бангладешец Аханд Ахтар Хоссайн, склонен рассматривать постисламизм как понятие, омонимичное понятию «мягкая версия исламизма» (*a softer version of Islamism*) (Hossain 2016: 214).

димую опасность, жертвой которой может стать каждый (включая и умеренных исламистов). Однако из-за этой угрозы, которую к тому же по естественным причинам весьма преувеличивают, из внимания выпадает тот важнейший факт, что на самом деле радикальные исламисты составляют очень небольшую часть, что основной исламизм – не радикальный (хотя в этой массе есть и некое «болото», имеющее потенцию в определенные периоды склоняться к радикализму).

Крайне важно не терять из вида, что существует исламизм умеренный, демократический и иной, столь же разнообразный и противоречивый, не застывший, а живой как жизнь, реагирующий на различные изменения, колеблющийся от радикализма до вполне либеральных заявлений и политических действий (Kurzman 1998; Denoex 2002; Ayooob 2009; Schwedler 2011; March 2015; Volpi, Stein 2015; Achilov 2015; 2016; Achilov, Sen 2017).

Исламизм многим представляется как некий нарост на теле исламских обществ. На самом деле он во многом отражает суть современных исламских обществ, их образ мысли и жизни. И все же большинство населения не являются сторонниками радикальных исламистов. Напротив, исламизм во многом помогает налаживать социальную и иную жизнь на разных уровнях общества, создает особый – исламский – путь к модернизации.

Ислам является для очень многих жителей мусульманских стран (а возможно, и для большинства из них) очень важной частью их мировоззрения и повседневной жизни. Вот почему исламисты нередко выигрывают выборы. Неудивительно, что *в мусульманском мире почти не осталось стран, где бы исламизм не превратился во влиятельный и устойчивый фактор внутренней и внешней политики. То, что в конце прошлого столетия представлялось частными эпизодами, оказалось одним из главных трендов мировой политики.*

Таким образом, исламизм имеет множество уровней и проявлений: от вполне респектабельных политических партий и диспутов ученых до потока сознания отдельного малограмотного или вовсе неграмотного мусульманина, от государственного уровня до групп террористов-фанатиков, от умеренных политических движений до ударных отрядов экстремистов.

2. Некоторые особенности модернизации исламских стран

Исламизм – это социальное явление, гораздо более широкое, чем радикализм на основе исламизма, и можно считать, что исламизм создает особый исламский путь в модернизацию. Этим во многом объясняются особенности модернизации в исламских, особенно арабских, странах. Неудивительно, что модернизация в арабских и исламских странах имела и имеет существенные особенности по сравнению с другими регионами (см., например, сравнение с Китаем и Индией [Коротаяев, Гринин 2017; см. также: Гринин, Коротаяев 2016]). Стоит также напомнить, что Ближний и Средний Восток (БСВ) в отличие от ряда других регионов мира всегда имел тесные связи с Европой (Западом). При этом взаимоотношения носили комплексный характер, контакты в конечном счете служили для взаимного обогащения технологий и культур. Однако баланс сил менялся. Близость к Европе явилась причиной, по которой именно в ближневосточных странах (прежде всего в Турции и Египте) модернизация, особенно военная, началась раньше, чем в других восточных обществах. Однако в настоящее время это преимущество БСВ по сравнению, например, с Индией и Китаем в основном потерял, хотя по некоторым показателям Индия все еще от него отстает (например, по грамотности населения, см.: Коротаяев, Гринин 2017). Тем не менее отметим, что БСВ лидирует по такому важному показателю, как урбанизация.

Говоря о факторах социально-политической модернизации в исламских странах (в том числе афразийской макрзоны нестабильности), обуславливающих ее отклонение от классической траектории, можно выделить следующие:

1) особая роль исламизма как не просто политической идеологии, но очень массовой, широко распространенной среди многих, если не всех социальных слоев, способ-

ствующей объединению общества и развитию ряда направлений (включая образование), необходимых для модернизации;

2) слабость государственных структур в арабском мире, что определялось рядом исторических особенностей и, соответственно, слабость национализма как идеологии;

3) нефтяное богатство, которое дало очень крупные средства для особого пути модернизации (с учетом меньшей финансовой зависимости исламских стран от Запада), а также усилило позиции исламизма как массовой идеологии и образа жизни.

Все вместе это ослабило возможности для вестернизации исламских стран и создало условия для *особого пути модернизации арабских и многих исламских стран*. Более высокая роль религиозных идей в модернизации объясняет причины того, что модернизация в этих странах не затрагивает в полной мере многие аспекты жизни, идет медленнее, чем в других регионах, а также то, что часто она рядится в псевдорелигиозные одежды (так, повышение уровня образования женщин, их роли в политике, экономике и культуре происходит под внешним сохранением исламских или новоисламских обычаев [Гринин, Коротаев 2019б; Grinin *et al.* 2019; Grinin, Korotayev 2020b]).

Поскольку наибольшая часть нефтяного богатства досталась как раз странам, в которых уровень модернизации, государственности и культуры был слабым, получилось так, что эти государства (прежде всего страны Залива) стали играть роль, не соответствующую их уровню развития в жизни всего региона.

2.1. Исламизм как особый фактор модернизации на Ближнем и Среднем Востоке

Возникновение исламизма, Исламское возрождение и модернизация. Исламизм был не только реакцией на влияние Запада, но и результатом западной модернизации, которая к этому времени уже захватила ряд исламских стран. В этой связи важно отметить одну особенность, о которой практически не говорят, а именно то, что современный исламизм как массовое движение возник в первую очередь в странах, в которых в том или ином виде существовали демократия, выборы и система политических партий. Речь идет прежде всего, о Египте и Британской Индии (мусульманской части Индии). По сути, в абсолютных монархиях современный исламизм как политизированный ислам был не нужен либо необходим не сам по себе, а как оружие в руках светской власти. В обществе, где нет электората, также не нужен низовой политический ислам. Иное дело там, где низы или какие-либо слои общества уже могут голосовать, тогда роль политического ислама становится весьма заметной. Неудивительно, что вафдисты (то есть члены «Вафд» – наиболее влиятельной египетской политической партии того времени) стали вовлекать в политическую борьбу «Братьев-мусульман»² уже в 1930-е гг., пытаясь получить их поддержку (Goldschmidt 2004: 191; Osman 2016: 4). Мусульманская лига также играла важную роль в выборах. Выборы в меджлис так или иначе имели место и в шахском Иране начиная с Конституционной революции 1906–1911 гг. Демократия, политические партии, выборы – это все западные институты, которые прямо или косвенно продвигались Западом на Восток³. И там, где они устанавливались, в конечном счете мог усиливаться низовой исламизм. В авторитарных режимах неучастие в выборах сокращало влияние исламистов. Иными словами, исламизм, конечно, не родился в результате демократии, но активное внедрение или расширение последней могло существенно его усилить. В § 4 главы 3 нашей книги *Islamism, Arab Spring and Democracy* (Grinin *et al.* 2018) мы приводим многочисленные примеры того, как Запад сам мог усиливать исла-

² Данная организация признана террористической Верховным судом РФ, ее деятельность на территории России запрещена. – *Прим. ред.*

³ Англия и Франция внедряли демократические органы и выборы на Ближнем Востоке и после получения там мандатов от Лиги Наций (в частности, в Трансиордании и Сирии).

мизм, с одной стороны, внедряя демократию, с другой – разрушая авторитарные режимы плюс помогая исламистам напрямую⁴.

Можно считать, что современный политический ислам как идеология возник примерно в середине XX в., явившись итогом длительной социокультурной, политической и духовной эволюции исламского мира (Ланда, Саватеев 2015: 129).

В последние десятилетия развитие исламизма тесно связано с Исламским возрождением, или особого рода модернизацией исламских обществ. О причинах возникновения современного исламизма существуют разные мнения, иногда противоречащие друг другу (см., например: Roy 1994: 339). Иногда это связывают с развитием слоев, сформированных в итоге модернизации мусульманских обществ, то есть интеллигенции, студенчества, служащих, буржуазии, иногда – с реакцией традиционных социально-экономических слоев, затронутых модернизацией и испытывающих дискомфорт. По-видимому, оба мнения частично верны, так как общая причина роста влияния исламизма, несомненно, связана с тем или иным воздействием процессов модернизации, проявляющихся по-разному и в различных слоях социума, и в различных обществах (см. также: Huntington 1996).

Исламизм – особый способ модернизации. Его нередко трактуют как реакцию на охватившие мир глобализацию и модернизацию, а в отдельных случаях – как поиск особого пути исламских обществ в плане модернизации и глобализации⁵. Это одна из причин, почему феномен реисламизации охватил страны и традиционного, и нового ислама (Васильев 2017: 44). В этом последнем смысле исламизм позволяет развиваться и адаптировать достижения Запада, не теряя собственной идентичности. Стоит отметить глубокую мысль С. Хантингтона, что, подобно другим проявлениям глобального религиозного возрождения, Исламское возрождение является одновременно и следствием модернизации, и попыткой схватиться с ней «врукопашную» (Huntington 1996: 111–112).

Разумеется, исламизм отнюдь не доказал своей наибольшей эффективности в плане модернизации, но тем не менее определенную функцию он выполняет. Примером может служить Иран, где развитие идет под идейным руководством политизированного духовенства, правда, там существует исламизм особого типа. В Иране в известной мере произошло отделение идеологии от непосредственного политического функционирования, то есть имеются своего рода идеологические контролеры, а также политические функционеры самого высшего уровня. Это позволяет стране достаточно неплохо развиваться в общечеловеческом направлении. Возможно, это результат победившего исламизма, который должен был приспособиться к своему положению правящей идеологии (примерно так же, как это произошло с победившим коммунизмом в СССР и других странах). Второй момент: исламизм в Иране – шиитского толка, соответственно, имеется практически знак равенства между национализмом и исламизмом, что усиливается довольно крепкими корнями государственности. В то же время в противоположность иранскому арабский национализм означает принадлежность не к какому-то государству, а к арабскому суперэтносу.

Особая форма модернизации и результат борьбы разных тенденций. Но почему светская модернизация стала сдавать свои позиции (хотя в Египте, например, она продолжалась)? По-видимому, здесь сказались следующие факторы. Сама по себе модерни-

⁴ Новейший пример, когда расширение демократии в некоторых арабских странах открыло исламистам доступ к власти в результате Арабской весны.

⁵ О том, что Исламское возрождение и рост влияния исламизма стали особым путем к модернизации, говорил целый ряд исследователей. Так, известный африканский экономист Самир Амин считает исламизм «исламской альтернативой капиталистической модернизации – политическим, а не теологическим феноменом» (Комар 2007: 36; цит. по: Левин 2014: 8). Политизация ислама в форме современного исламизма есть в конечном счете следствие охвативших мир процессов форсированной модернизации и глобализации, считает З. И. Левин (2014).

зация ведет к значительным диспропорциям в обществе и нарастанию в нем социального напряжения. При этом в социуме возникают разные тенденции, связанные с выбором формы модернизации. Эти тенденции имеют свою опору в различных социально-политических силах в обществе. Поскольку модернизация обычно связана с заимствованием, то имеются довольно мощные силы в лице политического класса и части образованных людей, стремящихся совершить ее по лекалам западных обществ. С другой стороны, народные массы, испытывающие дискомфорт в результате модернизации и одновременно более консервативные, а также менее доверчивые к политическому курсу правительств, склоняются к более понятным им идеям.

Если вспомнить Русскую революцию, то в ней можно наблюдать те же тенденции: западную, и особенно связанную с идеей частной собственности на землю, и народно-социалистическую, которая шла по пути социализации земли и выведения ее из частной собственности. В итоге, несмотря на то, что российские правительства стремились модернизировать общество по западным образцам в течение долгого времени, неожиданно победила вторая тенденция. Она и привела к созданию в России (СССР) невиданного доселе общества. Это также было долгое время загадкой (и сегодня является предметом острых дискуссий). Несомненно, что социализм стал альтернативой западной модернизации.

Точно так же и в исламских странах имелись разные тенденции модернизации, но в итоге неожиданно возобладала исламистская, и прежде всего потому, что она имела огромную поддержку населения. Такая «народная» тенденция может победить особенно в тех обществах, в которых неприятие западной идеологии имеет прочные корни (и православие, и ислам были именно такими идеологиями).

К этому следует добавить и причину, о которой говорят реже, – рост образованности в исламских странах (см.: Коротаев, Юрьев 2018). В 1970–1990-е гг. ее уровень дошел до такой отметки, когда в странах стало довольно много образованных людей, но еще больше было малограмотных и значимое число – неграмотных.

А это благоприятный уровень именно для религиозной реформации, когда большое количество верующих людей перестает просто слушать проповеди официальных служителей культа, а пытается самостоятельно читать и толковать священные тексты. При этом у людей открываются глаза на расхождения между тем, что там написано, и реальностью, что ведет к изменению их сознания и поведения. Промежуточный уровень образования, как это ни странно на первый взгляд, ведет к росту радикализма и терроризма как одного из его выражений (см.: Акаев и др. 2017; Васькин и др. 2018). Увеличение количества студентов, как мы видели выше, также способствовало подъему исламизма. В дореволюционной России в отношении образования была похожая ситуация: наряду со значимым количеством европейски образованных людей многие были полуграмотными, а огромное число – вовсе неграмотными. Но среди молодежи людей с начальным уровнем образования было большинство.

3. Слабость государственности на Ближнем Востоке, укрепление исламизма и особого исламского пути в модернизацию

Мы уже писали об особенностях государственности на Ближнем Востоке, которая определяется слабыми традициями государственности (см.: Коротаев, Гринин 2017; Grinin *et al.* 2018). Это объясняется, во-первых, исторически (многие страны – молодые, ранее они существовали только как провинции империй), во-вторых, тем, что религия была в большинстве случаев автономна в арабских государствах, а религиозная жизнь существенно самоуправяема. Отсюда исламизм становится наднациональным. В-третьих, это обусловлено тем, что имеется единый арабский язык, общая религия, что создает идеологию не национального, а наднационального – общеарабского – суперэтнуса. Отсюда и слабая роль национализма во многих обществах. Некоторый подъем национализма и

светских идеологий в 1950-е – 1960-е гг. в ряде стран Ближнего Востока затем сменился исламским возрождением и подъемом исламизма (см., например; Хайруллин, Коротаев 2017в). Слабыми традициями государственности на Ближнем и Среднем Востоке (за исключением Египта, Турции и в определенной мере Ирана) объясняют и неустойчивость многих режимов, и недостаточный уровень модернизации.

Роль нефтяного богатства

Отметим, что именно в области поставок нефти впервые в истории развивающиеся страны одержали решительную победу над Западом, и впервые экономические действия стран третьего мира вызвали мировой экономической кризис.

Рост нефтедобычи стал для целого ряда стран дорогой к увеличению благосостояния, импорту капитала и даже конвергенции. В целом нефть превратилась в 1970-е гг. в своеобразный символ роста возможностей третьего мира в отношении Запада. Разумеется, нефтяные доходы довольно длительное время тратились не особенно рационально (и во многом такая ситуация сохраняется до сих пор), но в целом они стали важнейшим источником накоплений развивающихся стран и дали возможность проводить в некоторых государствах важные реформы, связанные с подъемом сельского хозяйства, ростом образования, развитием системы здравоохранения и т. п.

Окончание эры дешевой нефти положило конец тому, что называлось немецким и японским «экономическим чудом», то есть очень высоким темпам экономического роста в этих странах, а также повлекло целый ряд серьезных и разнонаправленных последствий для экономик разных стран. Так, оно не только вызвало довольно чувствительный кризис в западном мире, но и одновременно заставило западную экономику искать технологические формы экономии энергии, что способствовало многим важным инновациям, а также развитию добычи нефти в более сложных условиях.

В то же время приток нефтедолларов начал резко менять жизнь в нефтедобывающих странах, в части из которых не представляли, как использовать такой объем валюты. В результате произошла дальнейшая интеграция ближневосточной и мировой экономики. Во-первых, полученные нефтедоллары стали вкладываться в западную (особенно американскую) финансовую систему, что, кстати, позволило США в дальнейшем замораживать счета тех или иных неугодных стран или персон. Во-вторых, активизировались инвестиции в развитие инфраструктуры и других объектов в этих странах, что принесло крупные заказы западным фирмам. В-третьих, усилилась роль государств и государственных компаний в нефтедобывающих странах (в некоторых случаях это сопровождалось национализацией имущества западных корпораций, как в Ираке в 1972 г.). В-четвертых, открылся важный путь к подъему и новым развивающимся стран, в которых стали находить и разрабатывать нефть, – в Южной Америке, Африке, Азии (одновременно усилились поиски нефти на различных территориях). Бесспорно, подъем цен на энергоносители внес существенный вклад в начало Великой конвергенции (Grinin, Korotayev 2014a; 2014b; 2015). В-пятых, конечно, необходимо отметить резкий рост импорта оружия в страны Ближнего Востока, усилившийся после войны в Заливе 1991 г.

Государства Персидского залива, а также некоторые другие нефтедобывающие страны в этом и других регионах (такие как Ливия или Бруней) из бедных стали превращаться в богатые, в страны-рантье, а поскольку исламская идеология требовала делиться с бедными и не позволяла игнорировать мнение коренных жителей, то и население некоторых прежде бедуинских стран стало жить на правах рантье. Это был один из немногих пока случаев в новейшей истории, когда ВВП бедных развивающихся стран мог сравниться с ВВП развитых государств. В частности, сегодня пять из шести стран Персидского залива входят в число 30 государств мира с самым высоким ВВП на душу населения (Вишне-

ский, Денисенко 2016). Это не могло не укрепить позиции монархических режимов и диктаторов. ОПЕК стала одной из важнейших экономических организаций в мире.

Изменение уровня жизни в нефтедобывающих странах Ближнего Востока существенно повлияло на их демографию, но также и вызвало (возможно, впервые в отношении развивающихся стран) довольно большой миграционный поток из соседних бедных мусульманских стран в государства Залива и некоторые другие нефтедобывающие страны.

Хотя исламский фундаментализм и терроризм существовали и до взрывного роста цен на нефть, нет никакого сомнения, что избыток нефтяных средств создал для них весьма питательную почву.

Таким образом, быстрый рост нефтедобычи и цен на нефть на Ближнем Востоке оказал весьма существенное влияние на многие страны мира, их экономику и политику. Однако, несмотря на продолжающуюся модернизацию стран Ближнего Востока, в целом они не смогли перерастить уровень провинциальных стран.

Ближний Восток, несмотря на модернизацию, не особенно заметно изменил свое место в мировом экономическом разделении труда, в чем-то энергетический сектор даже усилился. Увеличивается добыча нефти, в том числе в странах, где ее ранее добывали меньше, расширяется газодобыча, созданы предприятия по переработке нефти, а также развиваются технологии по сжижению газа. В числе реальных изменений следует отметить быстрый рост туристического бизнеса, который стал очень важным для Турции, Египта, Туниса, ОАЭ, частично для Израиля и Марокко, но не для всех стран региона. Правда, в последние годы в связи с Арабской весной, ростом терроризма и другими проблемами эта отрасль столкнулась с трудностями. В рамках самого Ближнего Востока существует определенное разделение труда (так, Египет был центром образования и туризма для стран Залива, хотя рост образованности наблюдается и в них [Коротаев, Юрьев 2018]). Государства Залива пытаются диверсифицировать свою экономику, но до этого еще далеко.

При вышеуказанной борьбе тенденций исторические случайности играют очень важную роль. Поэтому наиболее важной причиной, которая позволила исламизму стать столь сильным, по нашему мнению, является скачок нефтяных цен, который способствовал росту скорее исламистских, чем демократических тенденций в мусульманском мире (Хантингтон 2003: 167). Как ни странно, именно об этой причине пишут реже, чем о других. Повышение цен на нефть имело многочисленные последствия. Во-первых, желание осуществить модернизацию по западной схеме ослабело у нефтедобывающих стран, которые считали, что, имея деньги, они могут решить все проблемы. Во-вторых, это как бы идеологически подкрепляло исламизм – именно Аллах мог подарить правверным такую благодать. В-третьих, часть этих денег доставалась и не имеющим нефти странам через различные каналы. А это усиливало ориентир не на западные страны, а на не самые развитые арабские. В-четвертых, часть денег пошла на поддержку борьбы против Израиля (и против СССР в Афганистане), что способствовало усилению радикального исламизма и терроризма, в частности, среди палестинцев и афганцев. В-пятых, усилению исламистских настроений в 1970-е гг. способствовало резкое увеличение потока трудовых мигрантов из исламских стран в нефтяные исламистские аравийские монархии. Увиденное ими там экономическое процветание в сочетании с исламистскими порядками порождало у многих уверенность в том, что насаждение подобных порядков и у себя дома должно привести их страны к такому же процветанию. В-шестых, резкий рост объема финансовых ресурсов, оказавшихся в руках исламистских монархий (и прежде всего Саудовской Аравии), позволил им значительно увеличить финансирование и усилить целенаправленную деятельность по распространению исламизма в мире.

В 70–80-е гг. XX в. Саудовская Аравия была важнейшей силой ислама. Она потратила миллиарды долларов на поддержку мусульманских начинаний по всему миру, от строительства мечетей и издания книг до создания и поддержки политических партий,

исламистских организаций и террористических движений, причем была довольно неразборчива в своей помощи (Хантингтон 2003).

По некоторым данным, Саудовская Аравия через каналы своих благотворительных фондов израсходовала за 1980–1990-е гг. примерно 70 млрд долларов на строительство подконтрольных ваххабитам мечетей, медресе, исламских центров, а также на поддержку и обучение радикальных воинствующих исламистов (включая создание тренировочных лагерей, закупки оружия, рекрутирование наемников) примерно в 20 странах мира (см.: Kaplan 2003; см. также: Pipes 2003; Игнатенко 2009: 177–178).

В целом, если уместно такое сравнение, без нефтяных денег исламизм все равно рос бы, но как растение на скудной почве; нефтяные деньги настолько удобрили почву для него, что он расцвел пышным цветом. Возможности тех, кто ратовал за западный путь развития, без нефтяных денег усилились бы, поскольку нужда – лучший аргумент; в условиях же нефтедолларового богатства аргументы адептов западного пути модернизации были слабыми.

Итак, исламизм отнюдь не доказал своей наибольшей эффективности в плане модернизации, но тем не менее определенную функцию он выполняет. Однако в последние годы проявились ограничения на прежние формы модернизации, которые условно можно было бы назвать нефтяной модернизацией, в частности в связи с резким падением цен на нефть с 2014 года. В целом, старый путь, основанный на нефтяной модернизации, приближается к возможности глубокого кризиса. Падение нефтяных цен вызвало ряд политических процессов, как усиливших конкуренцию нефтедобывающих стран, в т. ч. и в Африканской зоне нестабильности, так и неординарные попытки внутреннего реформирования в Саудовской Аравии, особенно зависящей от экспорта нефти⁶. Кроме того, позиции нефти в мире оказались под дополнительным давлением производителей сжиженного газа, который в некоторых отношениях может заменять нефть.

С другой стороны, нефтяная основа для модернизации стран Ближнего Востока может быть потенциально расширена за счет технологии сжиженного газа, по крайней мере, для части стран. Отсюда конфликт между Катаром и другими странами Залива можно рассматривать и в аспекте конфликта между более технологичной энергетической модернизацией (сжижения газа в Катаре, который является крупнейшим его производителем) и менее технологичной нефтяной модернизацией в других странах Залива.

Связь развития исламизма и модернизации в мире. Завершить экскурс хотелось бы, дополнительно показав, как некоторые политические процессы в рассматриваемом регионе связаны с типами модернизации и глобализации. Для этого продолжим рассмотрение форм модернизации, о которых сказано в главе 13.

Модернизация первой половины XX века была, условно модернизацией тяжелой индустрии (Россия и СССР; Турция; Индия; Мексика; Иран; частично Китай, но модернизация здесь стопорилась из-за внутренних конфликтов и гражданской войны; Корея – тут была насильственная модернизация со стороны Японии; окраины СССР).

Для темы исследования важно отметить, что исламизм, хотя и родился как идея особого пути модернизации отстающих от Запада обществ, но еще не был способен конкурировать с путем чистой вестернизации, каковая модернизация произошла, например, в Турции или частично в Иране.

Модернизация 1950–1970-е годы была уже модернизацией заката индустриализма. Исламизм как путь модернизации в этот период не был магистральным путем. В связи с образованием большой группы социалистических стран и массовым освобождением колоний не только увеличилось число путей модернизации, но и возникло острое соперничество этих путей, что вызывалось мир-системными факторами. В известной мере это способствовало росту возможностей модернизации. Отметим путь вестернизации (осо-

⁶ Впрочем, выстраивание российско-саудовского взаимодействия на глобальном нефтяном рынке позволило вновь пока вернуть мировые цены на нефть в более-менее приемлемый для стран-экспортеров нефти диапазон.

бенно успешный на Дальнем Востоке: Япония, а также Сингапур, Тайвань, Южная Корея, Гонконг – т.н. новые тигры; но это также и 1980-1990-е годы), хотя в каждой стране все же была большая специфика модернизации. Социалистическая модернизация шла в советском лагере, включая и Китай. Особый путь (социальная модернизация) был в странах, которые восприняли социалистические идеи, но в ограниченном масштабе, в том или ином аспекте: в Индии, где стремились развивать тяжелую промышленность и вести социальную политику в отношении крестьян, Египте, где также ориентировались на социальную политику, Ливии; ряде стран Африки и Латинской Америки. Однако попытки как социалистической, так и вестернационной модернизации в исламских странах оказались не особенно удачными не столько в смысле результатов, сколько в том, что возникла острая реакция, в виде исламского наступления (в частности в Иране в виде революции; в виде постоянных военных переворотов).

Очень важной новой чертой модернизации этого периода стало то, что цели повышение военной готовности обществ стали значительно менее важными, поскольку появилась возможность покупать оружие и приглашать инструкторов (это делалось и раньше, но крупные страны, стремящиеся играть существенную роль в своих регионах нуждались в собственной военной индустрии). Теперь же в большинстве стран военный фактор в модернизации стал играть меньшую роль. Зато социальный фактор – большую, т.к. сказывалось и влияние в этом плане более развитых обществ, и введение демократических институтов. Даже в такой мощной стране, как Индия, военная модернизация не играла очень заметной роли (несмотря даже на ее постоянные конфронтации с Пакистаном).

Для большинства стран, 1970-е и даже 1980-е годы были во многом продолжением предыдущих тенденций. Не то было в части исламских стран. Дело в том, что в связи с тем, что Запад нуждался во все большем количестве сырья, особенно энергии, неожиданно возник путь нефтяной модернизации, о котором уже сказано. Это, повторим, сильно повлияло на рост позиций исламизма и соответственно восприятие его как особого пути развития исламских стран. Хотя в странах, уже вставших на путь социальной модернизации исламизм был долгое время в подполье (в Египте, Ливии, Ираке, Сирии). Но позиции его были столь сильны, что только мощным государственным сдерживанием можно было отстранять исламистов от власти. Таким образом, видна не только тесная связь между ростом богатства нефтеэкспортирующих стран и подъемом исламизма, но с усилением политической борьбы между ним и светскими режимами. В Иране, где модернизация уже была достаточно долгим процессом, развивалось то, что можно назвать исламской демократией.

1990-е – 2000-е годы – это уже новый этап модернизации, который связан с информационной эпохой. Тем более что социалистический лагерь рухнул, и идеи социалистической модернизации (с развитием тяжелой промышленности с упором на технологии третьей кондратьевской волны) также оказались не у дел. Соответственно мы наблюдаем новые черты в модернизации в т.ч. развивающихся и некоторых исламских стран (как Египет) модный подъем образования, массовое (а не элитарное) высшее образование. А также мощный подъем информационных технологий (в Индии, Египте – потребительский; ряде других стран). Одновременно это и период, связанный с мощной волной глобализации, с проникновением западных информационных технологий и западного капитала, с быстрым подъемом экономик развивающихся стран, в т.ч. и ближневосточных. Мы определили этот период как *информационно-глобализационную модернизацию*, в которой также удалось показать, что особенности модернизации отражаются в революциях. Так, Арабская весна – во многом результат этой информационно-глобализационной модернизации.